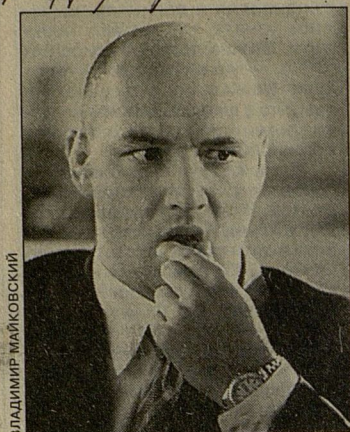

Нос

«Сирано де Бержерак»
по версии Владимира Мирзоева

Известия, 2001, 17 февр., с. 5
Владимир Мирзоев — самый экстравагантный среди самых успешных театральных режиссеров Москвы. 28 февраля на сцене Театра имени Вахтангова состоится премьера его нового спектакля «Сирано». В главной роли, как обычно у Мирзоева, один из самых блистательных актеров новой волны Максим Суханов. Это будет странный для Мирзоева спектакль. Обычно он смещит зрителей до слез. Теперь слезы и смех будут отдельно.

ВЛАДИМИР МИРЗОЕВ

Олег ЗИНЦОВ

Творческий метод Мирзоева — не то чтобы ставить спектакль поперек текста, а просто нашинковать пьесу так, чтоб вместо сюжета были гэгги, а вместо драмы — чистое шоу, функционирующее по принципу must go on; при этом, кажется, не так уже важно, что именно берется в качестве исходного материала — Шекспир ли, Тургенев или, скажем, Гарольд Пинтер. Важно то, что драматург всегда остается с носом — кому ж, как не Мирзоеву, делать «Сирано»? Он может пространно рассуждать о концепциях и смысле своих постановок, но при просмотре об этом забываешь напрочь. Шутки и репризы важнее смысла; сказав это, все обычно вспоминают, что Мирзоев заканчивал в ГИТИСе цирковое отделение.

Мирзоев, впрочем, в самом деле едва ли не единственный в Москве театральный режиссер, сумевший сделать свое имя по-настоящему модным «брендингом»: его спектакли смотрит даже публика, которая в иных случаях в театр — ни ногой.

В конце 80-х он уехал на несколько лет в Канаду, а после возвращения поставил в Театре им. Станиславского гоголевскую «Женитьбу» с двумя Агафьями Тихоновнами и финальным прыжком Подколесина-Феклистова в окно, прорубленное в форме креста. Спектакль был мрачен, глубокомыслен и не лишен пафоса. На афише, однако, красовалась огромная буква «Ж», что пафос несколько снижало. Но успех начался не с «Женитьбы», а с парного к ней «Хлестакова» — соответственно «Х». Это был счастливый для Мирзоева спектакль.

Именно в «Хлестакове» появился Максим Суханов, и смотреть мирзоевские постановки стало куда веселее. Вот вам вместо гоголевского «фитюльки» беглый урка и большой ребенок в одном лице — одновременно брутальный и инфантильный, нервный и ослабленный, опасный и неуловимо забавный. В этот образ можно было вчитать что угодно: хочешь — пародию на «нового русского», а хочешь — политический сарж (в фойе распространялась газета «Правда Хлестакова»). Но задним числом кажется, что главным был не образ, а стиль. «Хлестаков» — это уже тот Мирзоев, которого мы знаем. Эффектное шоу, но в чем-то все же сродни хлестаковщине: вроде бы смотришь нечто многозначительное, однако легкость в мыслях необыкновенная. На этом пре-

Сирано Мирзоева. Пока без носа

восходном ноу-хау работали практически все спектакли Мирзоева последних лет.

О чем поставлен его «Амфирион» в Театре им. Вахтангова, «Укрощение строптивой» и «Двенадцатая ночь» в Театре им. Станиславского, уже совершенно неважно. В них запоминаются причудливые костюмы Павла Каплевича, Маковецкий — Мальволио в нелепой пачке и Суханов — Петруччо в детских панталонах на лямках. А также собственный идиотский смех после очередного абсурдного гэгга.

Отсюда был уже один шаг до антрепризы — не той, в которой собираются старые советские звезды и едут по провинции, а новой, с амбициями арт-проектов для состоятельной публики. Мирзоев поставил в антрепризе «Коллекцию» Пинтера — и превратил интеллектуальную драму в коммерческий хит. При этом весь аттракцион состоял в том, что в спектакле сыграл Валентин Гафт, по привычке пытавшийся найти психологическое оправдание своей роли. На фоне комического трио Суханова, Маковецкого и Елены Шаниной его реликтовая серьезность потешала больше всего; ход оказался беспроектным.

Во втором антрепризном спектакле — «Миллионерше» — трюк был еще проще: превращение фамилии драматурга в жанр; Шоу — в шоу. Но тут Мирзоев впервые с треском провалился: его клоунада вышла скучнее занудной пьесы британского классика.

Зато сделанный после провала «Сирано де Бержерак» обещает нам нечто доселе невиданное — мирзоевский смех сквозь слезы: во всяком случае, одевавший персонажей Ростана художник Павел Каплевич, человек изрядного сложения, бородастый и с виду вовсе не сентиментальный, уверяет, что на репетициях нового спектакля плакал.

На прежних постановках Мирзоева он хохотал громче всех. Впрочем, и в «Сирано» будут, по словам Каплевича, «невероятно смешные куски», а также «много обнаженного тела». В это верится уже больше. Ростановский романтический пафос смотрелся полнейшим анахронизмом еще сто лет назад. Сегодня хочется, чтобы из этой напыщенной пьесы кто-нибудь наконец сделал комедию. Желательно, эротическую: надо ли объяснять, что символизирует большой нос?

О, будьте уверены, Мирзоев отыграет этот эротический мотив по полной программе: нос Сирано — тот самый случай, когда размер имеет значение.